

ЧЕЛСИ БИКЕР

ПРЕДЕЛ ТЕРПЕНИЯ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б60

Chelsea Bieker
MADWOMAN
Copyright © Chelsea Bieker, 2024
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Марии Валеевой
Серийное оформление и оформление обложки
Татьяны Гамзиной-Бахтий

Бикер Ч.

Б60 Предел терпения : роман / Челси Бикер; пер. с англ. М. Валеевой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 528 с. — (Убийство в кармане).

ISBN 978-5-389-28405-0

Клов отчаянно желает сохранить свое прошлое в тайне. Сочинив для себя новую личность, она пойдет на все, чтобы ее прекрасный муж и обожаемые дети никогда не узнали ужаса, пропитавшего ее собственное детство. А если глубоко погребенная тревога грозит вырваться на поверхность, Клов — ее и правда так зовут? — предпочитает заглушать нежеланные эмоции онлайн-покупками и биодобавками, которые сделают ее кожу сияющей, а настроение праздничным.

Но однажды надежно похороненная правда врывается в реальную жизнь и переворачивает ее с ног на голову.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© М. А. Валеева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-28405-0

Я молюсь, чтобы жизнь у нее была иной, чем у меня.
Позволь мне жить, дорогой Отец.
Не оставь ее без матери, как меня.

Мэри Луиз Глим, Вайкики, 1992 год

Глава 1

Мир не создан для матерей. И все же матери создали мир. Мир не создан для детей, но дети — это будущее. Что-то такое я видела на плакатах в детских поликлиниках: агитация в защиту жизни. Или по общественному телевидению. Когда я училась в школе, обеденный перерыв мы проводили, уткнувшись носами в тарелки, пока нервный коротышка-директор орал в мегафон, требуя тишины. Это было до эры интернета, вирусных видеороликов и осознанного родительства. И директор, и раздатчицы в столовой часто замахивались на нас, но никогда не били. Не помню, чтобы я рассказывала тебе об этом. Уверена, раньше это казалось мне неважным — я имею в виду мое детство; в то время главным для нас было пережить отцовский гнев. Так что торжественное поедание обжаренных картофельных шариков в школьной столовой, вероятно, представлялось мне раем.

Там, где ты сейчас, подают картофельные шарики?

Теперь я мать Новы и Ларка, семилетней девочки и трехлетнего мальчика, и, похоже, приближаюсь к важному открытию. Точнее, важное

открытие надвигается на меня. Мои записи послужат нам обоим свидетельством. Мир не создан для нас, определенно не создан — попробуй хотя бы оплатить детский сад, — но кое-что я начала понимать, и смутное чувство переходит в уверенность. Я говорю об энергии насилия. О том, как насилие заставляет женщин сжиматься, чтобы стать незаметными, и считать себя счастливицами в таких ситуациях, где ни о каком счастье нет и речи. Даже когда мы думаем, что оставили насилие позади, достаточно оглянуться — и увидишь, что его длинные руки дотянулись до каждого сделанного нами выбора.

Долгие годы, несмотря на все увиденное и пережитое, я продолжала думать, что мне удалось избежать этих длинных рук. Что в жизни важнее всего принимать разумные решения. Например, если я буду не такой матерью, как ты, и обеспечу мирную семейную жизнь, то смогу оставить прошлое позади. Нет, не просто оставить. Полностью стереть его.

Я бы, например, не обременяла себя воспоминаниями о том, как ты кладешь в магазинную корзинку упаковку питьевой воды в пластиковых бутылках. На нее была скидка, которой мы специально ждали. Ты почему-то решила, что, если у женщины из сумки торчит горлышко бутылки с водой — это верх роскоши. Ты даже мне внушила восторг оттого, что я таскаю с собой бутылку

в мини-рюкзачке, украденном нами в универсаме «Мервинс». «Никому не смотри в глаза», — велела ты, когда мы вышли, не расплатившись. Совесть из-за воровства никогда нас не мучила. Жизнь задолжала нам мелкие вознаграждения. Нельзя было красть лишь в продуктовых магазинах. «Только не здесь!» — раздраженно прошипела ты, когда я однажды решила прикарманить шоколадный батончик. Я спросила почему. «Нельзя кусать руку, которая тебя кормит», — объяснила ты. Я тогда не поняла. Так же, как не понимала, почему бутилированная вода — «Кристалл гейзер», если быть точной, — имеет такое значение. Теперь я знаю, что легче было сосредоточиться на внешних пустяках, чем взглянуть в лицо голому факту: мы не знали, доживем ли до завтра.

В тот день мы, возможно, тоже купили бы воду, не поедь отец с нами, и, возможно, дома успешно рассовали бы бутылки по укромным местам и даже улучили бы момент удовольствия, когда, запрокинув головы, пили бы из горлышка в общественном месте, там, где другие могли нас увидеть и подумать: «Кто же эти достойные мать и дочь, окруженные безмерной любовью и заботой и пьющие кристально чистую воду?» Но отец уже неделю сидел дома, залечивая травму: раздавил средний палец во время смены в шахте, что-то связанное с техникой безопасности — отвлекся, когда нужно было смотреть в оба. Он

слегка поутих на обезболивающих таблетках, но в то утро заявил, что устал находиться в четырех стенах. «Прощай, покой!» — шепнула ты мне одними губами, когда мы садились в машину.

Отец, конечно, померил пыл, но ты переоценила его спокойствие. В магазине он быстро вычислил твой порыв и расправился с ним, швырнув упаковкой воды из тележки в стеллаж с печеной фасолью. Кругом банки, а он рычит тебе в лицо, что ты нищая сука, а суки вроде тебя пьют грязную воду из лужи. Что касается словесных оскорблений, так обычно и происходило: он не орал, не кричал, а скорее тихо рычал, как дьявол, чтобы было слышно только вблизи.

Ты попыталась собрать банки, но их было слишком много. Люди глазели. А я злилась... на тебя, а не на отца — что само по себе признак болезни, я знаю, но туда мы еще доберемся, обещаю, — но сильнее всего меня взбесило, что ты больше беспокоилась о впечатлении, которое производишь на зевак, чем пыталась защитить себя. Теперь я знаю: ты не хотела, чтобы тебя жалели чужие люди. В то время я лишь недавно научилась ловить волну жалости, которая высасывала жизнь и подготавливала холст для последующей росписи всеми красками стыда. Я была слишком мала, едва ли лет восьми, и все еще лелеяла надежду, что кто-нибудь совершит благое дело и пустит отцу пулю промеж глаз.

Мы ведь усыпляем больных животных, когда не хотим, чтобы они страдали или заражали здоровых. А людей оставляем жить.

Ты, низко опустив голову, твердила: «Все хорошо, все в порядке», пока мы гуськом шли за отцом на выход, ничего не купив.

Правда, в кармане я сжимала пачку жевательной резинки. Которую никогда и ни за что тебе не показала бы. «Это ли не предательство?» — думала я, пока отец рулил на «Джимми» в сторону «Бургер Кинга» — в людное место, чтобы не задуть тебя. Временами мы могли просто переждать приступы ярости, разрабатывая стратегию безопасности, и отец сам принимал активное участие в нашей игре на выживание. Когда ты проснулась на следующее утро, на тумбочке у кровати тебя ждала бутылка «Аквафины». Ты прижала ее к груди. Я было начала говорить, что это совсем не та марка, но ты перебила: «Видишь? Он меня любит!» Я только покачала головой в ответ на твою глупую способность прощать. «Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала ты, убирая выигранную, как ценный приз, бутылку в сумку. — Ты думаешь, что, когда вырастешь, будешь делать все по-другому, лучше меня».

Я думала, рождение детей — нежное и подвижное продолжение моего тела, бережно укутанное в слинг из натурального льна, — поможет мне избежать ошибок. Что, став матерью,

я наконец повзрослею и превращусь в ту личность, которой должна была быть с самого начала. Младенцы не позволяют отвлечься ни на что другое. Когда кормишь грудью, нет времени предаваться воспоминаниям, нужно следить за набором веса и дефекацией ребенка. Изнеможение, полное счастья; новая жизнь в руках. Временами мне даже казалось, что уловка сработала. Но теперь мои дети выросли из младенчества, превратились в самостоятельных личностей, которые ходят, говорят и подставляют мне зеркало за зеркалом. В этих зеркалах я вижу собственное лицо, и выглядит оно совсем не так, как я надеялась. Вместо исцеления и преображения благодаря разумному материнству сквозь мои черты проступает лицо отца, и мы так похожи, что я вижу не свои глаза, а его. А за ними, в глубине, вижу твой, дорогая родительница, взгляд, полный затаенного ожидания, скорби, а в самых худших случаях — кипящего праведного гнева.

И это бремя — ты, отец, все, что случилось на острове, — мне нести до конца жизни. Но я поклялась терпеть молча. Я много раз лгала, чтобы навсегда сохранить тайну. Сохранить до самой моей смерти. Я все предусмотрела, как мне казалось.

До сегодняшнего утра, когда пришло твое письмо.

Глава 2

Я распланировала домашние дела заранее. Сегодня у Новы начало летних каникул, а у Ларка — первый день отлучения от груди. Прошлой ночью мы с сыном спели специальную песенку и обсудили, что это был самый последний раз, когда он просил сисю, что он молодец и выпил все молочко до капли. И хотя молока больше нет, зато Ларк стал большим и сильным. Ему недавно исполнилось три года. Самое время. Я давно мечтала отправлять сына в постель с поцелуем и пожеланием спокойной ночи, а не с полноценным кормлением, которое к этому времени превратилось в чистое развлечение — малыш ест больше меня, — а еще о том, что он перестанет наконец оголять мою грудь в публичных местах.

Утро прошло нормально, Ларк один раз попросил сисю, но быстро отвлекся на стакан процеженного вручную — моими руками — миндального молока с корицей и ванилью. Теперь, когда его сестре не надо в школу, она может целыми днями командовать братишкой, развлекать и мучить его; серьезная перемена по сравнению с размеренным ритмом жизни, когда мы с сыном

были только вдвоем. Но эта перемена к лучшему, уговаривала я себя, и к концу лета Ларк окончательно отвыкнет от груди, и меня больше не будут трогать. Возможно, в мозгах даже освободится немного места, чтобы подумать о себе, — жду с нетерпением!

Пока я одевала детей, в голове мелькали обрывки мыслей о тебе, образы всплывали, сменяя друг друга: вспомнилось, как ты начинала день со стакана диетической колы с капелькой водки... или водки с капелькой колы? Как это далеко от моего свежесжатого сока из сельдерея. Ты слишком долго, целых шестнадцать лет, думала, что меня нет в живых, в то время как вот она я, жива-здоровая, подгоняю детей сходить в туалет, прежде чем сесть в машину. Каждую подробность своей жизни я видела с двух сторон: как она есть и в свете того, что ты о ней подумала бы. Невольно так получалось.

Сначала мы поехали в фермерский магазин — «Дары земли» — и лениво позавтракали яйцами всмятку и французскими тостами из пророщенной пшеницы в патио наверху. Ларк хрустел безнитратным беконом; Нова пила зеленый смузи. Всего мгновение назад они по-настоящему расплакались, когда я отказалась купить им на касе пирожные на палочке в виде радужных единорогов, но теперь мы снова вернулись к обычному поведению. Я переварила свое раздражение

и сосредоточилась на том, чтобы накормить детей сытной и полезной пищей. Мы все любили походы в продуктовый магазин, и я гордилась, что передала детям эту любовь, чуть ли не единственное чистое и хорошее, что могла им дать. Остальные мои генетические подарки проще отнести на помойку.

Может быть, этим летом дети наконец по-настоящему подружатся, сблизятся как брат и сестра, после стольких ссор. Братья и сестры — наши спутники на всю жизнь, часто повторял мой муж, как будто цитировал определение из справочника, доступ к которому был только у него, и я впитывала эту мудрость без раздумий, поскольку мне не с чем было сравнивать, — и упускала из виду, что сам он редко общался со своими братьями и сестрами и что его брат недавно запостил фото двухгодовалого сына с ружьем на выставке оружия, после чего мы решили, что ездить к ним в гости не стоит, это небезопасно. Я мечтала о братике или сестричке, но ты сказала: счастье, что я не забеременела еще раз. Зачем приводить кого-то в мир, полный страданий? Теперь я могу сказать, что ты была права насчет этого.

Мне нравилась мысль, что двое детей в семье — обычное дело. Прекрасное четное число, крепкая команда из четырех человек: мама, папа, двое детей. Но вот в чем подвох: хотя дру-

гие мамочки с радостью делились знанием, что «Би-о-би» производят лучшие коляски для двойни, они умалчивали о том, как поступить, если старший ребенок ненавидит тебя за существование младшего. Все эти «плавали-знаем» возникали на этапе, когда ты уже попадала в число страдалиц, и тогда другая мамаша, честно глядя тебе в глаза, пока вы забирали детей из садика, выдавала что-нибудь вроде: «Один — это весело, а два — это десять». И где она была раньше со своей мудростью? А ведь я откапывала советы, как шахтер, постоянно наблюдала за другими, ища подсказки, как построить по-настоящему хорошую жизнь; мною двигала настоятельная потребность обучиться всему, чего я не знаю. Ощущение, что мне приходится наверстывать то, что другим известно изначально, постоянно мучило меня. Точнее, мотивировало, если переформулировать в позитивном ключе — а для меня важно быть позитивной, это показатель того, какой матерью я хочу быть.

И теперь, сидя в нашем любимом месте и глядя на милые лица детей, я предвкушала пикники. Долгие поездки для сбора ягод на ферме, гибридной ежемалины и клубники сорта «худ», ноги в песке, сунутые в пухлые резиновые шлепанцы, крепкий сон после целого дня, проведенного в поле под солнцем; грудь, надежно упакованная в лифчик для восстановления прежней формы.

До сих пор тянулась кошмарная портлендская весна с ее непрерывными дождями, по-зимнему темными днями и пробирающим до костей холодом. Но сегодня! Солнце. Тепло. Я убрала длинный пуховик в подвал.

— Так хорошо, правда? — сказала я детям. — Небо голубое!

— Я хочу мороженое, — заявил Ларк, положил вилку и оттолкнул тарелку с яичницей. — Мороженое. Прямо сейчас.

— Мы не станем есть мороженое в восемь утра, — возразила я. И натянула специальную улыбку, предназначенную скрывать чувства, которые не подобает испытывать такой нечестной женщине, как я. В самом начале своего материнства я сформулировала для себя законы вселенной, применимые только к тем, кто солгал, как сделала я. Мне было предельно ясно: если я хочу сохранить все хорошее, что есть в моей жизни, и не замарать его прошлым, то не могу позволить себе обычных родительских просчетов. Никаких импульсивных вспышек гнева, никаких необдуманных решений. И я не могу перепоручить другим заботиться о душах, которые доверены мне. То небольшое количество везения и благодати, что досталось на мою долю, я израсходовала еще в детстве. Сама увидишь.

Впрочем, за день до месячных, на пике лютеиновых мук, я позволяла себе десять минут запла-

кать в ванной, а потом разок отчаянно крикнуть в подушку, срывая горло, когда дети уже заснули, а муж занимается на гребном тренажере. А после поесть прямо из банки шоколадно-ореховой пасты, облизывая ложку, и почитать эротический роман, отчего начинало сладко тянуть низ живота. Но и только — а иначе мой мертвый отец, который кружит вокруг квартала на своем «Джимми», заберет меня туда, где мне и место. Вот только где это самое место? О, в уме я рисовала себе ад. Он располагался в пустом кинотеатре, где бесконечно крутился фильм о моем детстве. Никто, кроме меня, не мог видеть отца. Кто мне поверил бы, скажи я, что он только и ждет момента, когда я оступлюсь, наору на детей или сочту их безопасность безусловной? В какие-то дни мне казалось, что я отлично справляюсь, но в другие, менее удачные, когда дети не переставали ссориться, или Ларк, мой милый сынишка, мог вдруг ударить сестру без всякой видимой причины, я испытывала ужас оттого, что натворила, всепоглощающий страх, который однажды ночью грозил выгнать меня на улицу, где праздно шатается, поджидая меня, отец. Он не будет затаскивать меня в машину силой. Просто наклонится и откроет пассажирскую дверцу. Внутри на сиденье будет коробка. Я представляла ее завернутой в бархат, завязанной на бантик ленточкой. Я возьму ее в руки. И у меня не будет

сил убежать. А отец будет ждать, пока я ее открою. Коробку. Там, внутри, лежит то, что мне нужно увидеть.

Но нет, я могла этого избежать, знала, что могла. Иногда мне даже удавалось посмеяться над собой. В реальности не было никакого мертвого отца, колесящего по округе на своем «Джимми», и лучшим способом отвлечься от этой дурости служили онлайн-покупки. Можно улыбаться, заталкивая поглубже желание наорать на детей: «Заткнитесь! У вас все хорошо! Вам и поплакать больше не о чем, кроме как о том, что мать не купила на завтрак единорога на палочке!» — пока я не смогу выйти на страницу любимого секонд-хенда, заботящегося о сохранении окружающей среды, и купить кардиган, сделанный в Испании из экологически чистой шерсти, с пуговицами из полированного рога, или, может, льняной комбинезон натурального песочного цвета, ну и, раз уж я все равно онлайн, почему бы заодно не заказать синбиотики, одобренные самой Гвинет Пэлтроу, записавшись в трехмесячный лист ожидания. Муж недавно заметил, что я улыбаюсь одними губами: улыбка не затрагивает глаз. Танцы на канате, пока я управляюсь одновременно с травмой и материнством, понемногу разрушают меня, но сказать такое я не могу. Я едва способна об этом думать. Лучше буду прочесывать интернет в поисках лучшего в мире тренкота.

Ларк продолжал канючить писклявым голосом, выпрашивая мороженое, и где-то за глазами яблоками засело и начало прорастать семечко будущей головной боли. Сын вырвал у сестры леопардовую сумочку, Нова завизжала и шлепнула его по руке.

— Не бей, — сказала я. Спокойно, я спокойна. — В нашей семье не бьют друг друга. Повтори. — Я могла стерпеть что угодно, только не насилие.

Дочь замотала головой.

— Повтори немедленно. Мы никого не бьем. — Стоп, или нельзя говорить «мы», обращаясь к детям? Разве это не обесценивает их чувства, не наносит непоправимого вреда? Все равно что говорить «молодец», что я, кстати, делаю все время. — Скажи: «Я не должна бить брата».

— Утром он ударил меня по лицу! Но тебе все равно!

— Конечно, нет! Почему ты сразу не пришла ко мне, когда это случилось? Я бы тебе помогла.

Ларк скрючился у меня на коленях, устроив вторую истерику за утро, потом снова сел ровно и доел яичницу.

— Я хочу, чтобы вы оба приходили ко мне, прежде чем взобраться на вершину горы злости. Драка — это не выход.

Нова обиженно посмотрела на брата.

— Я не виновата, что его самое любимое занятие на свете — заталкивать меня на вершину этой горы. — За ее злостью на подходе были слезы. Да и какой гнев не таит в себе слез?

— Остынь, — сказала я ей. — Остынь, — сказала я ему. — Просто успокойтесь, ладно?

Одинокая женщина с ноутбуком за соседним столиком подняла на нас бровь. Ее осуждение было незаметным... почти. Возможно, как раз сейчас она подает знак моему мертвому папаше, чтобы тот парковал «Джимми», знак, что я готова оставить свою прекрасную жизнь, что я облажалась. Хорошая попытка, пусть и неудачная. Я встряхнула головой, отгоняя непрошеную мысль. Контекст, хотелось сказать мне этой женщине, всегда нужно учитывать контекст, а он таков, что, хотя я разорвала порочный круг и практически пересоздала себя заново, что делаю все, чего не делали ни ты, ни отец, что я во всем лучше вас обоих, мои дети все равно не умеют вести себя спокойно. Как же таких детей называют в книгах и подкастах? Ах да, расторможенными! Знала бы эта женщина, сколько сил каждый день уходит на бесконечный торг и уговоры, на эмоциональные качели, мотающие нас по всему спектру чувств, так что, когда время подходит к шести вечера, я почти понимаю потребность отца пробивать кулаками дыры в стенах... Я послала незнакомке улыбку, задействующую каждую

мышцу лица. Все отлично. У меня все под контролем. Наступило лето, и я еще успеваю зайти на почту, чтобы отправить платье, которое продала онлайн, чтобы потом на вырученные деньги купить другое, которое тоже позже возненавижу и продам. Да, это огромный риск, заниматься всецело взрослыми делами, пока оба ребенка со мной, и все же. Солнце светит. Абонентский ящик на почте зовет меня.

Какое количество посылок придет в каждый конкретный день, я могла предсказать не больше, чем общее состояние своих импульсивных трат. Абонентский ящик позволял вести раздельную бухгалтерию. Мужу ни к чему знать, что я опять перевела восемь тысяч долларов на очередную кредитную карту — все тот же долг, который преследовал меня по пятам, сколько бы онлайн-курсов английского я ни провела. С моим дипломом по писательскому мастерству только такая работа и была доступна, пока я полный день сидела с детьми. Я продолжала скупать платья, комбинезоны и дорогушие БАДы. Бесконтрольно тратила деньги в продуктовых супермаркетах почти ежедневно. Если бы я жила по средствам, заваривая дома быстрорастворимую овсянку и чай в пакетиках, я бы, наверное, смогла погасить долг, но экономия лишила бы меня чего-то жизненно важного. Ты и твоя бутилированная вода. Так неужели я не заслуживаю кре-

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЧЕЛСИ БИКЕР
ПРЕДЕЛ ТЕРПЕНИЯ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.02.2026.
Формат издания 70 × 90 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,72. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның
сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-PED-37421-01-R